

УДК 821.161.1(092)+821.161.1(477-87)(092)

UDC 821.161.1(092)+821.161.1(477-87)(092)

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
КОНЦЕПТА «УЯЗВИМОСТЬ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ
МОСКВА» И Г. ФРУМКЕРА
«НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ
О НЕНАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ»**

**VERBALIZATION OF THE CONCEPT
“VULNERABILITY” IN THE WORKS
BY A. PLATONOV
“HAPPY MOSCOW”
AND G. FRUMKER
“AN UNFINISHED STORY
ABOUT AN UNREAL MAN”**

Е. Н. Путрич,
*аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

Ye. Putrich,
*Postgraduate Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 16.09.22.

Received on 16.09.22.

В статье представлено ассоциативное развертывание содержательной структуры романа А. Платонова «Счастливая Москва» и повести Г. Фрумкера «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке» на стимул «уязвимость». Выявлены типичные и индивидуально-авторские ассоциации, раскрывающие смысловой объем концепта. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ особенностей вербализации концепта «уязвимость» в художественных текстах. Описаны три ассоциативных направления, отражающие связь концепта «уязвимость» с человеческой чувствительностью («чувствительная» уязвимость), с социальными событиями в стране («социальная» уязвимость) и со специфическими индивидуально-авторскими образами. Охарактеризованы смысловые признаки концепта по общим ассоциативным направлениям: осознание своей ненужности, романтическое безумство, внутренние терзания, поиски жизненного спасения, чувствительность, социальные потрясения в стране, тяжелые бытовые условия, семейные отношения и подтекстовая авторская позиция. Показаны индивидуально-авторские особенности репрезентации концепта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ассоциативное развертывание текста, ассоциативное направление, текстовая ассоциация, концепт.

The article presents associative expansion of content structure of the novel by A. Platonov “Happy Moscow” and the story by G. Frumker “An Unfinished Story about an Unreal Man” for the stimulus “vulnerability”. It reveals typical and authors’ individual associations that disclose the semantic volume of the concept. It presents a comparative-contrastive analysis of features of verbalization of the concept “vulnerability” in fiction texts. It describes the three associative lines reflecting the connection of the concept “vulnerability” with human sensitivity (“sensitive” vulnerability), with social events in the country (“social vulnerability”) and with specific authors’ individual images. It characterizes the semantic signs of the concept by general associative lines: realizing one’s needlessness, romantic craziness, inner torments, search of life salvation, sensitivity, social perturbations in the country, hard conditions of life, family relations and subtextual position of the author. It shows the authors’ individual features of representation of the concept.

Keywords: cognitive linguistics, associative expansion of text, associative line, text association, concept.

Поэтическая картина мира в языковой форме выражает эстетическое видение мира автора. Важной частью поэтической картины является художественный концепт, который обладает эстетической сущностью и образными средствами выражения [1, с. 74]. По мнению Л. В. Миллера, являясь «универсальным художественным опытом, зафиксированным в культурной памяти», художественный концепт «способен выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [4, с. 41]. Тем самым, будучи константой

культуры, он обогащает картину мира читателя и концептосферу культуры в целом [5].

Индивидуальные особенности репрезентации художественного концепта определяются лексической структурой текста, ключевыми словами и текстовыми ассоциациями на соответствующий стимул. Эти ключевые элементы играют особую роль в *ассоциативном развертывании текста*, под которым понимается «отражение ассоциативной деятельности читателя, стимулом которой выступает сам текст и его различные элементы и объективация исследователем того пути,

по которому движется читатель в процессе восприятия художественного текста» [2, с. 133].

Целью данной статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа репрезентации концепта «уязвимость» на материале романа А. Платонова «Счастливая Москва» и повести Г. Фрумкера «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке».

В вербализации концепта «уязвимость» в художественной литературе наблюдаются обусловленные культурой и историческим контекстом общие и отличительные черты. Проанализировав роман А. Платонова «Счастливая Москва» и повесть Г. Фрумкера «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке», мы установили особенности концепта «уязвимость» и его индивидуально-авторские смыслы. Выделили текстовые направления ассоциирования, которые «отражают одну из граней художественного концепта, репрезентированного в тексте и выявляемого на основе ассоциативно-семантических, тематических, грамматических и других связей лексических единиц» [1, с. 76].

Общее для двух произведений направление ассоциирования «осознание своей ненужности» представлено широко и многопланово. Это и «социальная ущемленность» со стороны государства (*Меня кто-то «продал»; учился на одни «тройки»; свято место пусто не бывает; «режут» на работе; если завтра ты уволишься, то нигде не устроишься; ни черта нам здесь не светит; выслуживается, гад, перед своим начальством*); и «романтическое безумство» (*мучительная сила любви; тоска отчаяния; страдание; темная грудная грусть; тоскующее, опустевшее сердце; остронастроенный такт взаимных отношений; мученье любви; плачущее, влекущее чувство; блуждающее сердце; грусть в объятиях; ложился вниз лицом и тосковал от грусти, хотя причиной его жизни была одна всеобщая радость; сердце его билось с ужасом, потому что оно почувствовало давно заключенную в нем любовь; ему жалко стало, что сердце Москвы может летать в воздушной природе, но любить его не может; залокотала скрытая мучительная сила; все ему приносило в сердце содрогание и он пугался развертывающейся в нем тревожной и опасной жизни; – состояние глубокой протрации; с горя выпив стакан вина; что, с Ленкой не сраслось?; кретинизм положения*); и «внутренние терзания» (*последняя категория, почти ничто; самоистощение в пустяках; внутреннее оскуднение; жизни*

не вышло; пустота; одиночество; воображение (долго не мог заснуть от воображения труда на советской земле; сейчас тоже не спят, а ворочаются в беспокойстве); – внутренняя боль; дурацкое состояние; грустные размышления; у меня что-то сломалось; пропало чувство юмора.

Интерес вызывает и следующее направление ассоциирования «поиски жизненного спасения». Если в произведении А. Платонова эксплицитными актуализаторами концепта являются ассоциации, затрагивающие бегство от реальности, борьбу со смертью, концентрация на работе, безразличие (*бессознательная дорога в будущее; испорченное тело и молодость; надежда; стать другим человеком; стать безучастным к всеобщей жизни; согласие на высшую жертву со своей стороны; страх ответственности за всю безумную судьбу вещиства и другие*), то в повести Г. Фрумкера это направление представлено двумя ассоциатами: желание покинуть страну (*покидает нашу необъятную; провода; вызов из Вены; подписка о невыезде; ни одного еврея здесь не останется; стоять в ОВИРовской очереди надо года два; пока он здесь*) и «черный рынок» (*его сейчас нет нигде в аптеках; мне достали два ружья и я остался без бабок; сейчас их практически невозможно достать; Шузы и котел – для души. Не могу же я во всем нашем дерьме ходить*).

В произведениях актуализируется и типичная ассоциация уязвимость – чувствительность, которая приобретает эмоционально-образное значение, представленное в реакциях: страх (*идти безмолвным; он пугался развертывающейся в нем тревожной и опасной жизни; жить одному в своей комнате; смерть*), паника (*ужас, измождение и долготерпеливая тоска; трясущаяся, судорожная женщина*), тревога (*безлюдная дорога, по которой хотелось уйти*); переживание (*Кому я там вообще нужен; там <...> мне делать нечего*).

Разные по времени действия произведения («Счастливая Москва» – период Октябрьской революции, оказавшей огромное влияние на весь мир и русскую картину мира в частности, и «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке» – период массовой эмиграции евреев во второй половине XX столетия, время так называемого «эмиграционного психоза») объединяются в общем направлении ассоциирования «социальные потрясения в стране». Данное направление представле-

но текстовыми ассоциатами: Октябрьская революция (*началась октябрьская революция; темный человек с горящим факелом; бежавший в ночь революции; далекое зарево трепетало над центром города*); технологический прогресс (*напряжение далеких машин; самый бедный свет; прижатие к земле неподвижной эксплуатацией; катастрофа*); массовая эмиграция евреев (*крамольные мысли о родном правительстве; и все равно, не моя это страна; получил в глаз <...> за то, что еврей; Мне ОБХСС-ник сказал: «Это только начало»; менты подошли; все пьют; засмеют <...> Весь город знает будет; сел на семь лет; а если он прослушивается? Так и будешь всю жизнь дрожать и ни черта не добьешься; там – молчи, здесь – нельзя; заговор против меня*); партийная система (*изменник Родины; на стол билет; не место в нашем монолитном и блестящем классе; очередное собрание; недостойное поведение; выговор по партийной линии; исключение из пионеров*).

Еще одно общее направление ассоциирования «тяжелые бытовые условия» отображено в текстовых ассоциациях: *дом с неработоспособным правлением и с дефицитным балансом расходов; бедное суровое убранство; равнодушная идеологичность убранства, сделанного по дешевому госбюджету; бродячее детство; бедность в жилищах; жалкое положение; посмертное благоухание [цветов]; жизнь в коммуналке (копошащийся муравейник; раздражение (раздражало практически все); нарушение личного пространства (соседка, страдающая бессонницей; одни – еще не спят, другие – уже; гремят посудой в четыре утра), а также внетекстовых: море; душевная ущербность; дискомфорт*.

В двух произведениях индивидуально-авторский смысл приобретает направление ассоциирования «семейные отношения», актуализированное ассоциациями супружеские отношения (*безапелляционно заявила моя Танюша; сурово отрезала она; приказала жена тоном, не терпящим возражений; замолк под ее грозным взглядом; спор; все осточертело; переполнила чашу ее терпения*) и отношения с детьми (*пошатнувшаяся отцовская репутация*). Посредством взаимоотношений в семье раскрываются такие признаки концепта, как пренебрежение, профанация, панибратство и др.

Не менее важной является и подтекстовая ассоциация «неприятное отношение автора», проявляющаяся в звучании текста,

в отношении писателей к своим героям и обстоятельствам. У А. Платонова это надрывно-больной сарказм, а у Г. Фрумкера дружеский, но и тот и другой вызывает униженное чувство неполноценности.

В романе А. Платонова «Счастливая Москва» художественное воплощение получило направление ассоциирования «природа», представленное следующими реакциями: *поздняя осень, дождь, туман, холод, смерть листьев, пустота, одиночество, голод, сирота, ночь, сон, смерть*. Используя психологический параллелизм, автор соотносит образное описание осени с внутренним состоянием уязвимого человека, переживающего, подобно природе, угасание, увядание и приближение конца: *голодная осиротевшая девочка; уснувшая душа; без ветра падали листья и покрывали умолкшую землю – на долгий сон грядущий; момент стихийной печали; смерть листьев на бульваре; не ветер небесного пространства, а тяжелое мертвое вещество; Вот какой ты, мир, на самом деле! – думала нечаянно Москва Честнова, исчезая сквозь сумрак тумана вниз. – Ты мягкий, только когда тебя не трогаешь!* и др.

А. Платонов как бы нагнетает осенний пейзаж: низкое тяжелое небо «давит» на жителей Москвы, затрудняет свободное дыхание, что в свою очередь говорит о замкнутости существования героев, их незащищенности от природных сил. Но и природа не всемогуща, она, как *неимущая женщина, много родившая и теперь уже шатающаяся от усталости*, ищет сочувствие у человека.

Индивидуально-авторская ассоциация уязвимость – музыка приобретает художественное воплощение: *скрежещущий вопль наступления; жалкая музыка; плакала человеческим, истощенным голосом на краю собственного безмолвия; громила со скоростью вопля какого-то своего холодного, казенного врага, занявшего своим мертвым туловищем всю бесконечность*. В контексте романа музыка как неотъемлемая часть жизни, как душа общества, как проводник человеческих эмоций передает чувства уязвимого человека.

Образную конкретизацию получила ассоциация «уязвимость – счастье», которая стимулирована названием романа, находящимся в сильной позиции. Кажущаяся, на первый взгляд, абсурдность ассоциативной пары, доказывается утверждением исследователя творчества А. Платонова: счастье – это «трагическая ирония автора» [3, с. 108]. Герои романа одержимы жаждой обретения истин-

ного счастья, каждый из них ищет свой путь, но никто не находит. В этом поиске счастья и проявляется важный признак уязвимости – *невозможность достижения цели*.

В контексте произведения *мечтательность* воспринимается как отрицательное качество человека, вызываемое уязвимостью: *В комнате было бедное суровое убранство, но не от нищеты, а от мечтательности: железная кровать эпидемического образца, с засаленным, насквозь прочеловеченным одеялом*. При этом связь к концепту «уязвимость» можно отследить по цепочке от частного к общему: мечтательность – недостаток – уязвимость.

Стилистически нейтральное существительное *воображение* в контексте романа воспринимается как состояние уязвимости, от которого страдает сон (*долго не мог заснуть от воображения труда на советской земле; сейчас тоже не спят, а ворочаются в беспокойстве*), ясность ума (*их ум начала мучить одна забытая днем деталь, грозящая ночной аварией; Ночью ему снились его разрушенные мысли*) и спокойствие (*...ходил в волнении, желая предпринять что-либо немедленно*). Описанные выше ассоциации можно объединить в три общих ассоциативных направления, описывающих связь концепта «уязвимость» с человеческой чувствительностью («чувствительная» уязвимость), с социальными событиями в стране («социальная» уязвимость) и со специфическими индивидуально-авторскими образами.

Общими смысловыми признаками концепта являются ассоциативные направления: осознание своей ненужности, романтическое безумство, внутренние терзания, поиски жизненного спасения, чувствительность, социальные потрясения в стране, тяжелые бытовые условия, семейные отношения и подтекстовая авторская позиция. К индивидуально-авторским особенностям вербализации концепта «уязвимость» относятся:

1. Характерная для произведения А. Платонова связь концепта со *счастьем*, сложным путем его обретения; *с музыкой, мечтательностью, воображением, смертью, болезнью*.
2. К особенностям вербализации можно отнести и разные по характеру опорные элементы, обобщающиеся в ассоциативные направления. Например, у Г. Фрумкера нет текстовых ассоциатов *Октябрьская революция, технологический процесс*, входящих в направление «социальные потрясения в стране». У А. Платонова отсутствуют ассоциации *желание покинуть страну* и «*черный рынок*», актуализирующие направление ассоциирования «поиски жизненного спасения».

Таким образом, концепт «уязвимость» можно по праву считать универсальным культурным концептом. Его универсальность обусловлена связью с другими концептами – человек, общество, жизнь, любовь, счастье, смерть и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова, Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2007. – № 2 (65). – С. 74–79.
2. Васильева, А. А. О некоторых особенностях идиостиля Э. Мандельштама (ассоциативный аспект) / А. А. Васильева // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2006. – № 5 (56). – С. 333–338.
3. Залыгин, С. Участникам конференции по роману Андрея Платонова «Счастливая Москва» / С. Залыгин // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. – Вып. 3. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1994. – С. 107–108.
4. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 41–43.
5. Орлова, О. В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцепто-логических исследований / О. В. Орлова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2009. – № 326. – С. 34–37.

REFERENCES

1. Bolotnova, N. S. O metodike izucheniya associativnogo sloya hudozhestvennogo koncepta v tekste / N. S. Bolotnova // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (TSPU Bulletin). – 2007. – № 2 (65). – S. 74–79.
2. Vasil'eva, A. A. O nekotoryh osobennostyah idioshtilya E. Mandel'shtama (associativnyj aspekt) / A. A. Vasil'eva // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (TSPU Bulletin). – 2006. – № 5 (56). – S. 333–338.
3. Zalygin, S. Uchastnikam konferencii po romanu Andreyeva Platonova «Schastlivaya Moskva» / S. Zalygin // «Strana filosofov» Andreyeva Platonova : problemy tvorчества. – Vyp. 3. – M.: IMLI RAN, «Nasledie», 1994. – S. 107–108.
4. Miller, L. V. Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya / L. V. Miller // Mir russkogo slova. – 2000. – № 4. – S. 41–43.
5. Orlova, O. V. Kognitivno-stilisticheskij analiz tekstovykh konceptov v kontekste sovremennykh lingvokonceptologicheskikh issledovanij / O. V. Orlova // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (TSPU Bulletin). – 2009. – № 326. – S. 34–37.